

УДК 81-112

А. В. Гончаренко

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ:
ДВУЯЗЫЧИЕ ИЛИ ДИГЛОССИЯ?
(ВЗГЛЯДЫ ЛИНГВИСТОВ НА ПРОБЛЕМУ)**

А. В. ГОНЧАРЕНКО. МОВНА СИТУАЦІЯ В ДАВНІЙ РУСІ: ДВОМОВНІСТЬ ЧИ ДИГЛОСІЯ? (ПОГЛЯДИ ЛІНГВІСТІВ НА ПРОБЛЕМУ).

У статті з метою підвищення рівня історіографічних знань із питань мовної ситуації в Київській Русі розглянуто основні наукові підходи до визначеної проблеми. Проаналізовано полярні концепції двомовності та диглосії, які, однак, не дають остаточної відповіді на питання про співіснування церковнослов'янської та східнослов'янської мовних стихій у давньоруський період.

Ключові слова: двомовність, диглосія, давньоруська мова, церковнослов'янська мова, концепція.

А. В. ГОНЧАРЕНКО. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: ДВУЯЗЫЧИЕ ИЛИ ДИГЛОССИЯ? (ВЗГЛЯДЫ ЛИНГВИСТОВ НА ПРОБЛЕМУ).

В статье с целью повышения уровня историографических знаний о языковой ситуации в Киевской Руси рассматриваются основные научные подходы к выделенной проблеме. Проанализированы полярные концепции двуязычия и диглоссии, которые, однако, не дают окончательный ответ на вопрос о сосуществовании церковнославянской и восточнославянской языковых стихий в древнерусский период.

Ключевые слова: двуязычие, диглоссия, древнерусский язык, церковнославянский язык, концепция.

A. V. GONCHARENKO. LINGUAL SITUATION OF THE OLD RUSSIA: BILINGUALISM OR THE DIGLOSSIA? (AUTHORITIES VIEWPOINTS ON THE PROBLEM).

In the article for the rise of historiographic knowledge level on the lingual situation in Kiev Russia their main doctrines on the dedicated problem are examined. As well there opposite bilingualism and diglossia conceptions analyzed, however, these items can not to give answer on the question about the Church- and the East-Slavonic lingual elements existing in the Old Russian period. There reasons of such situation concealed in the concerned period remoteness and, as the result, impossibility of the access to all the lingual manifestation facts under the Old Russia and, therefore, complicates to do impartial conclusions on this subject. Basing on the current facts and studies analysis we come to the conclusion that the lingual situation under the Old Russia was more complicated and miles better than bilingualism or the diglossia in their straight manifestations.

Keywords: bilingualism, diglossia, Old Russian language, Church Slavonic language, conception.

Вопрос о языковой ситуации, господствовавшей на территории средневековой Руси, является одним из наиболее обсуждаемых в отечественном языкознании. При этом до сих пор он остается до конца не разрешенным. Основная проблема сосредотачивается вокруг соотношения между книжным и народно-разговорным языками. На протяжении более двух столетий ученые так и не пришли к единогласному выводу, было ли это церковнославянско-русское двуязычие или типы одного языка. Изложение и анализ накопившегося материала по разрешению этого вопроса славистами по своему объему могли бы претендовать на самостоятельное исследование, потребность в котором, несомненно, имеется. Знание историографии научной проблемы позволяет ученому более объективно оценить последнюю, увидев ее с нескольких сторон.

© А. В. Гончаренко, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.48890>

В пределах статьи мы попытаемся изложить основные вехи научной разработки вопроса о лингвистической ситуации древнерусской эпохи.

Церковнославянский язык стал развиваться на территории Киевской Руси после принятия христианства, когда древние книжники начали переписывать богослужебную литературу, пришедшую из Византии. Он представлял собой восточнославянскую редакцию языка старославянского, т.е. в определенной степени «обрусевший» вариант последнего.

Долгое время термины старославянский и церковнославянский отождествлялись. Только с начала XX в., когда вышли в свет «Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка» Ф.Ф. Фортунатова, согласно идее ученого, их начинают разграничивать: «Старославянским, или церковнославянским, языком называется тот древний южнославянский язык, на который в IX в. было переведено священное писание... с течением времени старославянский язык обратился у нас в тот искусственный, искаженный язык, который употребляется теперь в богослужении и называется церковнославянским языком. Для того, чтобы не смешивать с этим ломанным языком тот древний церковнославянский язык, который мы открываем при изучении древнейших его памятников, я называю последний языком старославянским» [14, с. 5]. Таким образом, язык первых славянских переводов получал название старославянского, а его редакций – церковнославянского.

Церковнославянский выполнял функции языка письменного, преимущественно религиозной литературы. Кроме того, на восточнославянской территории бытовал и свой язык, развивавшийся на народно-разговорной основе. Проблема соотношения этих языков между собой разрешается учеными с нескольких позиций. Первая из них – так называемая концепция церковнославянско-древнерусского двуязычия. Сформулирована она была еще М.В. Ломоносовым в его отзыве о плане Шлецера. При этом ученый указывает на замкнутость церковнославянского языка в сфере «книг церковных» [7, с. 589]. Об этом же писал и Ф.И. Буслаев, четко разграничивая особенности употребления названных языков: «В сочинениях духовного содержания, напр. в проповедях, в поучениях духовных лиц, в постановлениях Церкви и т.п., преобладает язык церковнославянский; в сочинениях светского содержания, напр. в летописях, в юридических актах, в древних русских стихотворениях, пословицах и т.п., преобладает язык русский, разговорный» [3, с. 20].

Признание существования двух литературных языков в Киевской Руси определило дальнейший ход научной мысли в нескольких направлениях, представленных, в первую очередь, теорией церковнославянской основы русского литературного языка и теорией иноземного характера церковнославянского языка как литературного в древней Руси. В науке они наиболее ярко представлены в противоположных взглядах А.А. Шахматова и С.П. Обнорского.

А.А. Шахматов сформулировал концепцию, согласно которой современный русский литературный язык восходит к церковнославянскому как к языку-основе. Ранее эта мысль высказывалась и другими исследователями. Так, еще И.А. Бодуэн де Куртене писал: «Русский литературный язык обязан своим происхождением церковнославянскому языку» [2, с. 91]. Однако А.А. Шахматов, как бы подводя итог сделанному его предшественниками, был наиболее категоричен в своих суждениях: «по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» [12, с. 60]. Таким образом, ученый признавал смешанную природу языка древней Руси. Основным недостатком этой теории являлось то, что она строилась преимущественно на фонетических данных, тогда как специфика литературного языка обуславливается в первую очередь лексическими и семантическими чертами, на что указывал в свое время В.В. Виноградов.

В справедливости концепции А.А. Шахматова о церковнославянской основе русского литературного языка были убеждены Е.Ф. Карский, Б.М. Ляпунов, А.И. Соболевский, Л.В. Щерба, молодой В.В. Виноградов, Б.А. Успенский и др. При этом ученые не отрицали факта влияния народно-разговорного языка на становление языковой традиции древнерусского периода. Так, Е.Ф. Карский утверждал: «Первая письменность на Руси явилась вместе с принятием христианства в X в. Так как языком богослужебных книг был язык церковнославянский, зашедший к нам от болгар, то естественно, что он и лег в основу русского литературного языка. Однако же, как ни велика была близость этого языка к русскому народному того времени, все

же многое в нем казалось недостаточно понятным для русских; поэтому русские авторы, хотя бы и произведений религиозного содержания, а также переводчики и переписчики разных книг, часто незаметно для себя, а иногда и преднамеренно вносили особенности живой русской речи в литературный язык и письмо» [5, с. 178].

В 30-40-е годы XX в. в противоположность взглядам А.А. Шахматова его ученик С.П. Обнорский выдвинул теорию о национальной основе русского литературного языка и вторичном старославянском влиянии на него. Ученый, проанализировав пространную редакцию «Русской правды», пришел к выводу, что язык указанного текста не обнаруживает никаких следов болгарского влияния. На основании этого С.П. Обнорский отмечает: «русский литературный язык старшей поры был в собственном смысле русским во всем своем остоле» [9, с. 56]. В то же время церковнославянский язык обслуживал только нужды церкви.

Возражал взглядам А.А. Шахматова и Б.А. Ларин. Изучив текст «Жития Феодосия Печерского» – памятника церковной литературы, датируемого XI в., ученый заключил, что «здесь русская речь является для автора равноправной основой, наряду со старославянской. Автор именно чередует их в свободных сочетаниях, не стремясь к изысканной чистоте старославянского строя. И надо думать, что именно такой способ построения речи, свободное широкое пользование и русскими, и старославянскими элементами и было наиболее обычным в X-XI вв.» [6, с. 124-125].

Наряду с С.П. Обнорским одним из первых против положений А.А. Шахматова выступил Л.П. Якубинский. По его мнению, изначально, в X-XI вв., в качестве литературного языка Киевской Руси выступал церковнославянский язык. Однако с течением времени он теряет свои позиции и уже к XII в. различные государственные и частные акты писались только на древнерусском народном языке. Свои мысли ученый формулирует так: «Древнерусский литературный язык существовал в XI-XIV вв. как особый, отличный от церковнославянского литературный язык». И далее: «Основой древнерусского литературного языка является вовсе не церковнославянский язык, а прежде всего живой разговорный язык древнерусских писателей» [15, с. 299]. К сожалению, в связи с полемикой вокруг теорий А.А. Шахматова и С.П. Обнорского идеи Л.П. Якубинского не привлекли к себе в то время должного внимания.

Концепция церковнославянско-древнерусского двуязычия не могла существовать в чистом виде, поскольку различные памятники далеко не всегда могли укладываться в строгое распределение между двумя языками. Многие ученые видели решение этого вопроса в признании существования в рамках билингвизма нескольких типов языка. Таким представляется учение В.В. Виноградова. Изначально он высказывался о трех типах письменного языка, которыми обладала древнерусская народность. Однако позднее в докладе на IV Международном съезде славистов ученый выдвигает мысль о двух типах литературного языка древнерусской эпохи – книжно-славянском и народно-литературном. При этом В.В. Виноградов возражал против того, чтобы называть выделенные им типы языка самостоятельными литературными языками, поскольку они находились в состоянии постоянного взаимодействия, что вызывало появление «промежуточных родов речи» [4, с. 106].

Разделять языковой мир древней Руси на функциональные типы языка предлагал и Р.И. Аванесов. В своей статье-ответе на критические замечания Ф.П. Филина ученый указывает на то, что церковнославянский язык для древней Руси был чуждым в историко-этническом отношении, но при этом был для нее своим (не родным!) в отношении культурно-историческом. Р.И. Аванесов считал, что для древнерусской эпохи можно признать наличие: церковнославянского языка, южнославянского в своей основе, делового, юридического языка и фольклорного языка. Последние имели восточнославянскую основу. При этом ученый не забывает отмечать, что за этими языками стоял древнерусский народно-разговорный, диалектный в своей основе язык, который находился в тесной связи с ними, а границы между всеми этими языками были открыты. Говоря о языках, Р.И. Аванесов берет этот термин в кавычки и ставит вопрос о том, были ли это отдельные языки или функциональные типы одного языка. «Ответить на этот вопрос можно так, – пишет Р.И. Аванесов: – разные, если считать решающими лексические различия; один и тот же, если признать первенствующее значение общности или близости фонологической системы и флексии. Я стою скорее на второй точке зрения... Попробуем предъявить носителю русской диалектной речи следующее словосочетание, возможное в газетном тексте: «Интенсификация процесса интернациональной концентрации капитала». Поймет ли он его?

Конечно, нет. Но означает ли это, что русская диалектная речь и язык газеты – разные языки? При одном из указанных выше пониманий языка можно дать утвердительный ответ. При другом – мы будем считать, что перед нами разные типы языка, обусловленные функциональными различиями обиходно-бытового общения носителей диалекта и газетного сообщения. Вторая точка зрения, на мой взгляд, предпочтительнее» [1, с. 90].

Такой представлялась языковая ситуация древнерусской эпохи с точки зрения концепции двуязычия. Однако некоторые лингвисты этот вопрос решали иначе – исходя с позиции концепции диглоссии, сформулированной американским востоковедом Ч. Фергюсоном. Согласно его учению, диглоссия определяется как «относительно устойчивая языковая ситуация, при которой кроме диалектов того или иного языка существует также сильно отличающаяся строго кодифицированная и занимающая более высокое положение форма. Она является носителем большого и авторитетного корпуса письменных текстов, сложившихся или в более ранний период, или в пределах другого языкового коллектива. Изучается эта форма обычно в ходе формального обучения и используется в большинстве письменных и официальных устных коммуникативных ситуаций, но не используется никакой частью этого общества для бытовых разговоров» [16, с. 336]. Концепцию диглоссийной ситуации в древней Руси отстаивали Г. Хютль-Фольтер, К.Д. Зеeman, Б.А. Успенский.

Согласно учению последнего церковнославянский и древнерусский воспринимались членами языкового коллектива как один язык, но представленный в двух разновидностях – высокой (книжной) и низкой (некнижной) соответственно. Нормы книжного языка усваивались в процессе формального обучения, тогда как живая речь понималась как отклонение от нормы. «Если церковнославянский язык не может служить в условиях диглоссии средством разговорного общения, то русский язык не имеет ничего общего с книжной (литературной) языковой нормой, – отмечает Б.А. Успенский: – тексты на русском (древнерусском) языке – в частности, памятники юридической, деловой, бытовой письменности – находятся вне сферы литературного языка и вне литературы, они не обработаны с точки зрения соответствия языковой норме» [11, с. 32]. Конечно же, ученый признавал взаимопроникновение элементов этих двух языков, или, согласно концепции диглоссии – форм одного языка. Однако даже такого рода их взаимодействие долгое время не уничтожило границу между древнерусским и церковнославянским языками.

Тем не менее, факт двуязычия в древней Руси не является чуждым взглядам ученого. О нем он считает уместным говорить только со времени второго южнославянского влияния, когда стремлением русских книжников церковнославянский язык очищался от народно-разговорных элементов путем активизации церковнославянских словообразовательных средств. «Создаваемые таким образом книжные неологизмы – иначе говоря, неославянизмы – призваны заменить собственно русские лексемы. Отсюда на лексемном уровне образуются парные противопоставления славянизмов и русизмов, т.е. создается как бы двуязычный церковнославянско-русский словарь» [11, с. 55].

Взгляды Б.А. Успенского были подвергнуты резкой критике со стороны многих выдающихся ученых. Так, Ф.П. Филин отмечал: «Б.А. Успенский, не считаясь с многочисленными исследованиями по проблеме взаимоотношения русской и церковнославянской языковых стихий, пытается вернуть нас к гипотезе Шахматова-Унбегауна, признавая литературным только один церковнославянский язык. Диглоссии в понимании Фергюсона-Успенского в древней Руси не существовало. Языковая ситуация в древней Руси была гораздо сложнее» [13, с. 236].

По мнению ученого, наиболее убедительному на наш взгляд, на Руси функционировали два близкородственных литературных языка – церковнославянский и древнерусский. Каждый из них имел свои типы. В первом случае выделялся собственно церковнославянский язык – язык богослужбной и примыкающей к ней литературы, переведенной или созданной в Болгарии и других славянских странах, которая переписывалась на Руси. В этом типе языка имелись некоторые восточнославянские напластования, преимущественно в фонетике и морфологии. Другой тип церковнославянского языка – славяно-русский – язык произведений, написанных жителями Киевской Руси, в котором преобладала церковнославянская стихия, но имелись и восточнославянские элементы. Древнерусский литературный язык, как считал Ф.П. Филин, был представлен, с одной стороны, языком деловой письменности и частной переписки с отдель-

ными церковнославянскими чертами, с другой – языком повествовательной литературы, восточнославянским в своей основе, но с использованием средств церковнославянского языка [13, с. 259]. Как видим, несмотря на ситуацию двуязычия, в чистом виде ни один из выделяемых языков не выступал. Естественно, что предложенная схема в большинстве своем носит условный характер, поскольку существуют тексты, о которых довольно сложно сказать, церковнославянская или древнерусская языковая стихия в них преобладает.

Позиция Б.А. Успенского практически не нашла поддержки в научных кругах. Критика обусловлена в первую очередь тем, что ее автор механически перенес теорию Ч. Фергюсона на древнерусскую ситуацию, во многом видоизменив ее и пытаясь при этом подогнать все факты под имеющуюся концепцию. В связи с этим А.С. Мельничук отмечал: «в докладе Б.А. Успенского понятие диглоссии, взятое в его априорном, идеальном виде, оказалось целиком перенесенным на конкретную языковую ситуацию Киевской Руси, притом таким образом, что каждое действительное явление древнерусской письменности стало характеризоваться не с точки зрения его реальных особенностей, а в соответствии с требованиями абстрактно воспринимаемой теории диглоссии. Это заметно сказалось на степени убедительности таких характеристик» [8, с. 122]. Подробно останавливаясь на каждом из тезисов Б.А. Успенского, свое критическое отношение к его положениям высказывали и другие ученые – В.В. Колесов, А.А. Алексеев, Л.П. Клименко и др.

Свои взгляды Б.А. Успенский представил научному обозрению на IX Международном съезде славистов. Развернувшаяся дискуссия, как известно, их не поддержала в отличие от понимания языковой ситуации в древней Руси как двуязычной. Такую позицию, в частности, заняли современные лингвисты-историки В.М. Русановский и В.В. Нимчук. Соглашаясь в основных своих положениях с Ф.П. Филиным, ученые считали деление древнерусского языка на два типа излишним, поскольку между деловым языком и языком произведений других сфер письменности нет принципиальной разницы [10, с. 209].

Таким образом, проблема языковой ситуации в Киевской Руси до настоящего времени не получила своего окончательного разрешения. Существование различных подходов к ней свидетельствует о сложности изучаемого вопроса. Причины этого кроются в отдаленности во времени рассматриваемого периода, что ведет за собой невозможность доступа ко всем фактам языкового проявления в эпоху Киевской Руси и, следовательно, затрудняет возможность сделать объективные и достоверные выводы. На основании всего вышесказанного можно заключить, что наряду с церковнославянским языком, обслуживающим религиозную и связанную с ней научную сферу, в Киевской Руси употреблялся исконный древнерусский литературный язык, функционировавший в деловой и повествовательной письменности. За этими языками стоял разговорный язык местного населения, часто со специфическими диалектными особенностями. Таков характер рассматриваемой ситуации требует дальнейшей разработки вопроса на базе широкого круга имеющегося фактического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. К вопросам происхождения и развития русского литературного языка / Р.И. Аванесов // Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 88-96.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Язык и языки / И.А. Бодуэн де Куртене // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.2. – С. 67-95.
3. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка / Ф.И. Буслаев. – Ч. 1: Этимология. – М.: Унив. тип., 1858. – 244 с.
4. Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В.В. Виноградов // История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: Наука, 1978. – С. 65-151.
5. Карский Е.Ф. Значение Ломоносова в развитии русского литературного языка / Е.Ф. Карский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 177-187.
6. Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) / Б.А. Ларин. – М.: Высшая школа, 1975. – 325 с.

7. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 7. – С. 585-595.
8. Мельничук А.С. Обсуждение проблемы языковой ситуации в Киевской Руси на IX Международном съезде славистов / А.С. Мельничук // Известия АН СССР. Серия лит. и яз., 1984. – Т.43, № 2. – С. 120-127.
9. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода / С.П. Обнорский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 199 с.
10. Русанівський В.М., Німчук В.В. Співвідношення функцій давньоруської і старослов'янської мов у Київській Русі (XI – XIII ст.) / В.М. Русанівський, В.В. Німчук // IX Міжнародний з'їзд славистів. Слов'янське мовознавство. – К.: Наукова думка, 1983 – С. 185-209.
11. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX) / Б.А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
12. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка / А.А. Шахматов. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.
13. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 326 с.
14. Фортунатов Ф.П. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка / Ф.П. Фортунатов // Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1957. – Т. 2. – 471 с.
15. Якубинский Л.П. История древнерусского языка / Л.П. Якубинский. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.
16. Ferguson C.A. Diglossia / C.A. Ferguson. – Word 15, 1959. – P. 325-340.

(Статья поступила в редакцию 1 декабря 2016 г.)